

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ПОЛИТИКИ

DOI 10.35775/PSI.2025.123.11.001

УДК 327.8

А.С. ГОМЕЛАУРИ

кандидат политических наук, ассистент Высшей школы
медиакоммуникаций и связей с общественностью Санкт-Петербургского
политехнического университета Петра Великого,
Россия, г. Санкт-Петербург

Э.Б. АВАКОВА

кандидат социологических наук, доцент Высшей школы
медиакоммуникаций и связей с общественностью Санкт-Петербургского
политехнического университета Петра Великого,
Россия, г. Санкт-Петербург

А.А. КУЗНЕЦОВ

преподаватель кафедры рекламы и связей с общественностью
Санкт-Петербургского государственного университета
промышленных технологий и дизайна,
Россия, г. Санкт-Петербург

«МЯГКАЯ», «ЖЕСТКАЯ», «УМНАЯ» И «ОСТРАЯ» СИЛЫ: К КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПОНЯТИЙ

Статья посвящена теоретической систематизации и сравнительному анализу понятий «мягкая», «жесткая», «умная» и «острая» силы, которые активно используются в современной политической науке. Цель исследования – выявить сходства и различия между данными концептами, определить их практическую применимость в условиях стремительно трансформирующейся политической реальности. В работе отмечается, что несмотря на активное употребление терминов, характеризующих разновидность международного влияния, их границы остаются размыты, а трактовки во многом обуславливаются контекстом. Авторами сделан вывод о том, что «мягкая сила», опирающаяся на культурное влияние и привлекательность ценностей, «жесткая» – на принуждение и подкуп, «умная», рассматривающаяся как прагматичное сочетание первых двух, и «острая», характеризующаяся применением манипулятивных и подрывных практик влияния, функционируют как рамочные модели, отражающие изменяющиеся политические реалии.

Ключевые слова: мягкая сила, жесткая сила, умная сила, острая сила, политическое влияние, политическое давление, международные отношения.

Современные международные отношения характеризуются особенной сложностью геополитических процессов и разнонаправленностью векторов влияния.

Переход к многополярному миру, технологический прогресс и новые вызовы безопасности обуславливают применение государствами различных подходов к позиционированию на мировой арене и обеспечению стратегических приоритетов с целью достижения государственных интересов.

«Тектонические» изменения в мире, среди которых экономические, демографические, экологические, социальные проблемы, новый технологический уклад и геополитические противоречия, не первый год обсуждаются в рамках пленарных заседаний Петербургского международного экономического форума. Согласимся с тезисом, озвученным Президентом РФ В.В. Путиным, о том, что «и в современных условиях, и в долгосрочной перспективе роль, вес и... будущее государств зависят от того, насколько эффективно они смогут ответить на глобальные вызовы» [10], что в свою очередь неизбежно приводит к тому, что страны мирового сообщества наращивают свой потенциал, изменяя баланс сил и всю экономическую картину планеты. При этом отметим, что позиционирование и идентификация конкретного государства могут как признаваться, так и отвергаться другими государствами, соответствовать, либо, наоборот, противоречить устремлениям большинства или части населения тех или иных стран: наравне с мировыми лидерами, имеющими определяющее влияние на характер международных отношений, существовали и продолжают существовать никем не признанные государства, не обладающие никаким влиянием [4. С. 132-147].

Все вышесказанное актуализирует интерес к исследованию специфики восприятия феномена «силы». Вместе с тем, в условиях трансформации глобального порядка, стремительного и всеохватного распространения цифровых технологий, активно разворачивающихся «традиционных» и информационных войн, попытка сформировать представления о деятельности государств через призму «сил» наталкивается на проблему формальной неопределенности концептов [6. С. 72]. Интерес к «силам» – существующим, но не имеющим четкого разграничения, находит свое отражение в значительном количестве работ по данной тематике, что свидетельствует о стремлении ученых и исследователей к интеграции теории и практики: однако зыбкость трактовок, нередко основанных на персональных взглядах авторов на политику, во многом препятствует достижению объективности в этом вопросе. Проблема, в частности, видится в том, что даже инструменты, широко используемые для формирования «привлекательности» государства, среди которых: развитие международного медиа вещания, организация широкомасштабных культурных мероприятий, реализация образовательных проектов академической мобильности с привлечением иностранных студентов и другие инициативы, могут быть одновременно интерпретированы как проявление разных видов сил – «мягкой», «умной» или даже «острой» силы – в зависимости от преследуемых актором целей, ценностно-смыслового наполнения, контекста интерпретации события в популярных СМИ, а также восприятия и реакции как целевой аудитории, так и широкой общественностью. Так, намеренное, либо наоборот интуитивное трактование, нередко используемое без должного теоретического обоснования и логико-методологической

верификации, оказывает негативное влияние как на итоговый результат принятого научного исследования, так и на достижение практических результатов при попытке прикладного применения «сил».

Появлением трех видов «силы» – «мягкой», «жесткой» и «умной» – наука обязана американскому политологу либерального толка Дж. Наю. Исследователь, представивший идею «силы» как неотъемлемый элемент внешней политики государств и других влиятельных акторов международного пространства, сравнивал ее с таким абстрактным понятием как любовь, которая не поддается объективному измерению и не может быть ограничена рамками определений, однако от этого не становится «менее реальной» [16. Р. 1].

Возникновение представлений о «мягкой» и «жесткой» силе на рубеже 1990-х годов преимущественно обуславливалось духом времени: распад биполярной системы и ярко выраженные интегративные настроения в Европе, проявившиеся в объединении Германской Демократической Республики и Федеративной Республики Германии, а затем в заключении Маастрихтского договора, определившего формирование Европейского союза, способствовали переосмыслению природы международной власти [3. С. 3317]. Глобализационные тенденции сместили акценты с военной конфронтации между ведущими мировыми державами, ознаменовавшей затяжной период Холодной войны, в сторону расширения экономических и культурных связей. Идея обеспечения доверия и лояльности со стороны представителей международного сообщества – государств, крупного бизнеса, общественных организаций – через развитие культурных, научных и социальных инструментов обрела популярность.

Парадигма «мягкая – жесткая сила», представленная в опубликованной в 1990 году работе Дж. Ная «Призвание к лидерству: меняющаяся природа американской власти» [13], отразила амбивалентность нового международного порядка, в котором, с одной стороны, значимую роль играло нарастающее стремление к кооперации и укреплению связей, с другой – сохранялись отголоски конфликтного потенциала.

«Мягкая сила» (soft power), определяемая Дж. Наем как способность субъекта международных отношений заставить других акторов пространства стремиться к достижению желаемых им результатов с помощью «привлечения», предполагает использование инструментов нематериального воздействия, основанных на культурной, идеологической и институциональной ценности, которые позволяют обеспечить оказание «позитивного воздействия» [17. Р. 21]. Как подчеркивает Дж. Най, «мягкая сила» становится наиболее эффективной в тех случаях, когда она, рассеиваясь, не производит впечатление инструмента намеренного воздействия и, как следствие, воспринимается как органическая часть культурной и политической среды [16. Р. 16]. Соответственно, наиболее предпочтительной стратегией является децентрализация имеющихся источников «мягкой силы», что дает возможность гибко реагировать на возникающие вызовы.

Сегодня все государства уделяют серьезное внимание использованию механизмов «мягкой силы» в своей политике, среди которых: культурный экспорт,

международное образование, спорт, туризм и др. В российской внешней политике к этому термину стали активно обращаться с 2012 года, когда он нашел свое отражение и развитие в публикациях и выступлениях Президента страны, а также в нормативных государственных документах. Так, к приоритетным механизмам российской «мягкой силы» были отнесены информационно-коммуникационные, гуманитарные инструменты, а также возможности гражданского общества, используемые для продвижения позитивного имиджа страны и донесения своей точки зрения до международной аудитории [2].

«Жесткая сила» (hard power) представляет собой способность воздействовать на поведение других через принуждение (угрозу военным вмешательством или непосредственный акт вмешательства) или использование экономических стимулов, традиционно включающих санкции, создание торговых барьеров и применение иных инструментов влияния [16. Р. 8]. В отличие от «мягкой силы», «жесткая сила» реализуется на базе ресурсов, которые позволяют субъекту международных отношений добиваться поставленных целей без симпатии со стороны объекта воздействия. Цель субъекта может быть достигнута вне зависимости от согласия объекта.

На протяжении всей истории человечества именно военная мощь лежала в определении уровня силы государства, была основным показателем престижа. И несмотря на возможность морально-психологического, политического и иного рода воздействий именно военный фактор представлялся определяющим [5. С. 69-80]. Отметим, что «жесткая сила» сегодня продолжает сохранять свою актуальность как инструмент защиты национальных интересов и реагирования на военные угрозы. Усложнение взаимодействия между акторами международного пространства, обусловленное повсеместной цифровизацией, стремительным развитием техник и технологий, характеризуется ускорением многих процессов. Для распространения заявления политических лидеров, введения экономических санкций, разворачивания боеспособных частей требуется существенно меньше времени, чем для формирования незримой и зыбкой «привлекательности», не гарантирующей достижения целей. В настоящее время значительное преимущество «жесткой силы» – скорость, с которой можно достичь результата, – начинает играть немаловажную роль при разработке государственных стратегий, реализуемых лидирующими на международной арене государствами и союзами. «Вообще, все государства развиваются на основе трёх основных факторов: фактора военной силы, фактора идей, духа, воли и, наконец, фактора экономики... А сейчас, конечно же, в момент геостратегического перелома, на первый план выходит военная сила и сила духа, сила идей» [10].

Современная политическая реальность, влияние на которую оказала пандемия COVID-19, существенно снизившая договорные возможности акторов политического пространства и фактически заморозившая работу международных диалоговых площадок, характеризуется реалистическим подходом государств к решению возникающих проблем. Приоритет, прежде отдаваемый «мягкой»

и «умной силе» [12. Р. 252-253], сместился в сторону «жесткой», обеспечивающей достижение целей в условиях высококонфликтной среды.

«Умная сила» (smart power) – третий вариант «силы», предложенный Дж. Наем – позволила учесть потребность государств в компромиссной модели силы, обозначив стратегическое сочетание ресурсов «мягкого» убеждения и «жесткого» принуждения [14. Р. 160], что отвечало требованиям своего времени. Практический опыт наглядно продемонстрировал, что задачи, стоящие перед государствами, требуют различных подходов к их решению. Соответственно, использование стратегических комбинаций, в рамках которых инструменты «мягкой силы» применяются для формирования положительного имиджа, укрепления долгосрочных связей и создания привлекательного культурного фона, а инструменты «жесткой» – для защиты финансово-экономических интересов и обеспечения территориальной безопасности, зачастую является необходимым. В контексте активизации использования умной силы часто цитируются слова Хилари Клинтон, прозвучавшие в январе 2009 года в рамках ее речи во время назначения на пост госсекретаря США: «Мы должны использовать то, что называется умной силой, – полный набор доступных нам инструментов – дипломатические, экономические, военные, политические, правовые и культурные – выбирая правильный инструмент или набор инструментов в каждой ситуации [7. С. 115; 11. С. 89].

Следует отметить, что нарастающее напряжение на мировой арене, ощущаемое с середины 2010-х годов, не могло не подтолкнуть акторов к поиску нестандартных форм взаимодействия, включающих использование «подрывных» практик, отнесенных К. Уокером и Дж. Людвиг, авторами идеи, к проявлениям «острой силы» [18].

«Острая сила» (sharp power) рассматривается исследователями как инструмент, обладающий манипулятивными и деструктивными свойствами, которые используются авторитарными государствами с целью дестабилизации демократических сообществ [18]. Данный вид «силы» призван подорвать способность государства к самозащите в области гражданской и культурной идентичности, снизить доверие граждан к действующим институтам и дискредитировать нормы и убеждения, имеющие ценность и вес.

«Острую силу» сложно охарактеризовать в качестве «антипода» «мягкой силы», хотя подобные идеи озвучиваются исследователями, включая Дж. Наю [15]: напротив, вычленение «острой силы» как отдельного вида «силы» представляется актом идеологической борьбы, направленной на делегитимацию внешнеполитических стратегий «неугодных» государств и маркирование их влияния как заведомо вредоносного [8. С. 150-151; 9. С. 60]. Субъективная интерпретация действий государств-соперников, отражает стремление западных стран сформировать постулаты, в соответствии с которыми легитимным признается влияние, соответствующее установленным ими целям и интересам, в то время как альтернативные модели международной коммуникации подвергаются стигматизации. Таким образом, формируется следующий парадокс: используя

одинаковые методы и инструменты, западные демократии трактуют свои действия через призму «привлекательности» и «убеждения», отказывая в этом другим государствам. Глубоко идеологизированный по своей природе концепт «острой силы» углубляет проблему межгосударственных противоречий, оказывая влияние на формирование образа «другого» в международных отношениях. По сути речь идет об информационном противостоянии, которое актуализировалось в последние годы и несет ярко выраженные негативные последствия для всех сфер жизни общества, грозит существенным уроном культурно-мировоззренческому развитию молодого поколения и направлено на дестабилизацию общественно-политической и социально-экономической обстановки [11. С. 400-401].

Таким образом, анализируя виды «сил», представляется немаловажным обратить внимание на специфику их формирования и реализации, которая может быть отражена в виде следующей схемы [17. Р. 10]:

Сила = ресурсы[®] построение стратегии[®] предпочитаемые результаты

Опираясь на имеющиеся ресурсы, акторы используют различные механизмы и инструменты, чтобы достичь целей и решить стоящие перед ними задачи (см.: Табл. 1). Достигнутые результаты, включающие производимые на объект эффекты, могут быть оценены и стать своего рода «обратной связью», с учетом которой будут в дальнейшем выстраиваться стратегии.

Таблица 1. Специфика формирования и воздействия видов «силы»

	«Жесткая сила»	«Мягкая сила»	«Умная сила»	«Острая сила»
Тип акторов	государства, альянсы	государства, корпорации и другие имеющие влияние акторы	государства, союзы	политические субъекты («авторитарные режимы», признанные таковыми западными демократиями)
Основа и ресурсы	военные силы и эко- номический потенциал	культура, ценности, легитимная власть	комбинация ресурсов «мягкой» и «жесткой» силы	установки, распростра- няемые через цифровые и медиаканалы, а также с помощью каналов куль- турной дипломатии

	«Жесткая сила»	«Мягкая сила»	«Умная сила»	«Острая сила»
Инструменты	ввод войск, санкции, интервенции	кинопродукция, вещание через медиа-каналы на зарубежную аудиторию, культурная дипломатия и т.д.	гибко сочетаемые инструменты «мягкой» и «жесткой» сил	пропаганда, кибероперации (хакерские атаки, активизация ботов и т.п.)
Механизм действия	принуждение через силовое и экономическое давление	привлечение, убеждение	сбалансированное применение принуждения и убеждения	подрыв, искажение истины, манипуляция мнением
Специфика достижения цели	достижение установленных актором целей за счет подчинения «целевой аудитории»	достижение целей путем формирования позитивного имиджа, обеспечения поддержки со стороны «целевой аудитории»	достижение целей путем комбинации «мягкой» и «жесткой» сил	достижение целей через дезинформацию, подрыв ценностного базиса сообществ, формирование альтернативных нарративов
Ожидаемая реакция целевой аудитории	подчинение	добровольное принятие, подражание, поддержка	адаптация и компромисс	дезориентация, снижение лояльности к властным структурам, изменение мировоззрения

Источник: составлено автором на основе тематических источников и литературы [9; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18].

В заключении обозначим, что идея «силы», безусловно, крайне популярна у российских и зарубежных исследователей и политических деятелей, активно участвующих в формировании современного дискурса. Однако теоретическая зыбкость понятий, представленных Дж. Наем и сторонниками вектора его исследований, препятствует созданию единообразного категориального аппарата. Нельзя не отметить, что «мягкая», «жесткая», комбинированная «умная», а также глубоко зависимая от персональной позиции толкователей «острая» сила, представляются не столько строгими аналитическими категориями, сколько широкими «интерпретационными рамками», позволяющими глубже понять природу современных мировых процессов. Трансформация системы

международных отношений под влиянием глобальных «шоков» и тенденций – пандемии, экономических кризисов, цифровизации, – оказывает значительное влияние на осмысление указанных конструктов, свидетельствуя об их высокой контекстуальной зависимости.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Авакова Э.Б., Гомелаури А.С., Кузнецов А.А.** Качество подготовки специалистов в сфере медиакоммуникаций в России // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2024. Т. 43. № 4. DOI 10.52575/2712-7451-2024-43-4-399-408.
2. **Бурлинова Н.** «Такая «мягкая сила» нам не нужна» // <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/takaya-myagkaya-sila-nam-ne-nuzhna/>.
3. **Гомелаури А.С.** К вопросу восприятия феномена «мягкой силы» в контексте российской внешней политики // Вопросы политологии. 2020. № 11 (63).
4. **Гончаренко Л.Н., Авакова Э.Б.** Историческая самоидентификация России: этапы становления и современные функции // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2019. № 2.
5. **Давыдов Ю.П.** Понятие «жесткой» и «мягкой» силы в теории международных отношений // Международные процессы. 2004. Т. 2. № 1 (4).
6. **Ефименко А.М.** Концептуализация «мягкой силы» в современной политической науке: эволюция теоретических подходов и инструментария // Вестник Поволжского института управления. 2025. Т. 25. № 3.
7. **Клопова А.В.** Концепция «smart power» и ее реализация Хиллари Клинтон на посту Государственного секретаря / Актуальные проблемы современности: Материалы 10-й Всероссийской научно-практической конференции, Благовещенск, 14 октября 2015 года / отв. ред. Д.В. Буяров. Том Выпуск 9. Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2015.
8. **Кузнецов Н.М.** Sharp power и внешняя политика США: сочетание несочетаемого? // Власть. 2022. № 1 (30).
9. **Наумова А.О., Белоусова М.В.** «Острая сила»: критический анализ в современном научном дискурсе // Дискурс-Пи. 2022. № 4 (19). https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_4_48.
10. Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума // <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/74234>.
11. **Русакова О.Ф.** «Умная сила» («smart power») как государственная стратегия // Политический вектор-PRO. Комплексные проблемы современной политики. 2013. № 1.
12. **Gallarotti G.M.** Smart Power: Definitions, Importance, and Effectiveness // Journal of Strategic Studies. 2015. № 3 (38).
13. **Nye J.** Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York: Basic Books, 1991.
14. **Nye J.** Get Smart: Combining Hard and Soft Power // Foreign Affairs. 2009. № 4 (88).

15. Nye J. How Sharp Power Threatens Soft Power: The Right and Wrong Ways to Respond to Authoritarian Influence // <https://en.iiss.pku.edu.cn/info/1017/1079.htm>.
16. Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs, 2004.
17. Nye J. The Future of Power. New York: Public Affairs, 2011.
18. Walker C., Ludwig J. The Meaning of Sharp Power: How Authoritarian States Project Influence // <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2017-11-16/meaning-sharp-power>.

A.S. GOMELAURI

Ph.D. of political sciences,
Graduate School of Media Communications and Public
Relations, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
St. Petersburg, Russia

E.B. AVAKOVA

Ph.D. of sociological sciences,
Graduate School of Media Communications and Public
Relations, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
St. Petersburg, Russia

A.A. KUZNETSOV

Department of Advertising and Public Relations,
Saint Petersburg State University of Industrial Technologies
and Design, St. Petersburg, Russia

SOFT, HARD, SMART AND SHARP POWERS: TOWARDS A CONCEPTUALIZATION OF CONCEPTS

The article is devoted to the theoretical systematization and comparative analysis of the concepts of «soft», «hard», «smart» and «sharp» powers, which are actively employed in contemporary political science discourse. The aim of the study is to identify the similarities and differences among these conceptual frameworks and to assess their practical applicability within the context of a rapidly transforming political landscape. The study notes that, despite the frequent use of terms describing various forms of international influence, the boundaries between these concepts remain blurred, and their interpretations are largely context-dependent. It is concluded that «soft power», based on cultural influence and the attractiveness of values, «hard power» – on coercion and bribery, «smart power», considered as a pragmatic combination of the first two, and «sharp power», characterized by the use of manipulative and subversive practices of influence, function as framework models reflecting changing political realities.

Key words: soft power, hard power, smart power, sharp power, political influence, political pressure, international relations.